
Эверия. Книга 1
Марк Сказецкий

Марк Сказецкий
Эверия. Книга 1

https://litres.ru/74718324
SelfPub; 2026

Аннотация

Эверия - волшебное королевство, где время идёт, только пока его кто-то ждёт. Белки здесь штрафуют за цветы, короли ходят на четырёх копытах, а на карте ползёт серая линия, оставляющая за собой замершие деревни.

Майло и Элси привыкли слышать «потом, милые», пока однажды за старыми часами в доме не проступает дверь без ручки. За ней начинается страна, которая ждала их двести лет. И женщина в сером платье, которая тоже когда-то была ребёнком: Следящая, хочет остановить время навсегда. Ровно в пять она поднимется на вершину Башни и дотянется до маятника...

У детей тысяча ступеней, замороженные друзья, один пирог на двоих и пять ударов колокола. Чтобы победить, им придётся понять то, чего не понимают взрослые: ждать завтра труднее, чем остановить сегодня.

Содержание

Глава первая 4
Дом на холме 4
Глава вторая 25
Дверь, которой не было 25
Конец ознакомительного фрагмента. 45

Марк Сказецкий
Эверия. Книга 1

Глава первая

Дом на холме

Если вы когда-нибудь проводили сентябрьский день взаперти в большом старом доме, пока за окнами льёт дождь, то вы уже знаете почти всё, что нужно знать о том, с чего начинается наша история. Остальное я расскажу вам сам.

Но сперва о доме. Без дома мы никуда не двинемся, потому что в этой истории дом значит не меньше, чем люди.

Он стоял на вершине холма, и от самого подножия к нему вела длинная извилистая дорога, обсаженная старыми липами. Деревья эти были высажены ещё при прадедушке нынешнего хозяина и с годами выросли такими огромными, что летом их кроны смыкались над дорогой, образуя зелёный тоннель, по которому приятно было идти в жару. Осенью же они сыпали на дорогу золотые листья, и колёса экипажей, а

потом и автомобилей, шуршали по ним так тихо и мягко, что гости, подъезжая к дому, всегда понижали голос, сами не зная почему.

Сам дом был построен из серого камня, потемневшего от дождей и покрытого плющом, который лез по стенам вверх, цепляясь за каждый выступ, и добирался почти до самой крыши. Окон в нём было так много, что дети в детстве пытались их сосчитать и каждый раз сбивались на втором этаже. Над крышей торчали высокие кирпичные трубы, а на самой вершине, под флюгером в виде маленького золотого петуха, прятался чердак, куда не заходил никто, кроме мышей, пауков и самого времени.

Внутри дом был ещё лучше.

Первое, что видел всякий, кто входил в парадную дверь, это огромная прихожая с каменным полом, чёрно-белым, как шахматная доска, и широкой лестницей, которая поднималась на второй этаж, раздваиваясь посередине, будто руки, раскрытые для объятия. Над лестницей висела люстра с сотней хрустальных подвесок, звеневших от малейшего сквозняка, а под люстрой стояло зеркало в тяжёлой раме, перед которым посетители всегда непроизвольно поправляли воротнички и причёски.

Направо от прихожей находилась большая гостиная с камином, в котором можно было бы зажарить небольшого быка, с жёсткими бархатными диванами и с портретом прабабушки над каминной полкой. Налево тянулся длинный коридор, ведущий в столовую, библиотеку и ещё в целую вереницу комнат, назначение которых знал, кажется, один только дом. За кухней, в глубине первого этажа, скрывалась кладовая, пахнущая яблоками, мукой и свечным воском. Ещё дальше, в восточном крыле, располагалась особая часть дома, которую в семье называли просто «отцовским крылом» и в которую детям заходить не разрешалось.

На втором этаже находились спальни, детская, длинная галерея с портретами и та самая гостиная, в которой нам предстоит провести первые минуты нашей истории.

А ещё в этом доме было очень много часов.

Их было, наверное, штук двадцать или тридцать, и никто в точности не знал сколько. В каждой комнате, в каждом коридоре висели, стояли или тикали какие-нибудь часы: высокие напольные, строгие настенные, маленькие каминные, со смешными кукушками, с резными стрелками, с фарфоровыми розами на циферблатах. Говорили, будто прадедушка, построивший дом, питал к часам какую-то необъяснимую слабость и собирал их всю жизнь. А прабабушка, как водится,

терпеть этого не могла и жаловалась, что от тиканья у неё болит голова. Так они и прожили много лет: он покупал новые, а она потихоньку вздыхала.

Но довольно о стенах и стрелках. Давайте поговорим о людях.

В этот сентябрьский день в доме было шумно.

Дождь шёл с самого утра. Не ливень, который хотя бы честно гремит и пугает, а тот особенный английский дождь, который просто идёт и идёт, будто ему некуда спешить и незачем останавливаться. Он стекал по стёклам тонкими дорожками, наполнял водосточные трубы тихим журчанием и делал сад за окнами серым и мягким, как старый плед.

А в большой гостиной на первом этаже, вопреки всякой погоде, было светло, тепло и многолюдно.

Миссис Эшборн принимала гостей.

Это была красивая высокая женщина в тёмно-синем платье, с аккуратно уложенными волосами и улыбкой, которую она, по-видимому, носила как украшение: всегда одну и ту же, всегда безупречную, всегда чуть-чуть слишком широкую. Она порхала от одной группы гостей к другой, сыпала

любезностями, подливала чай, поправляла салфетки и смеялась тем особенным звонким смехом, который хорош на светских приёмах и совсем не годится для дома.

Гостей в этот день было человек двадцать: дамы в шляпках, джентльмены в тёмных пиджаках, какая-то престарелая тётушка с лорнетом и два молодых человека, которые держали в руках чашки, но, кажется, совершенно не знали, что с ними делать. Все разговаривали разом, и никто никого не слушал.

— Какая очаровательная погода! — восклицала одна дама.

— Ужасная, — вздыхал её собеседник.

— Да-да, я и говорю, очаровательная.

Такие разговоры идут во всех гостиных мира, и, мне кажется, никому до сих пор не удалось выяснить, как они вообще возможны.

В углу, у самого окна, стоял мистер Тремейн, давний знакомый семьи, и рассказывал кому-то про акции. Рядом с ним миссис Фэрчайлд, жена местного судьи, делилась с соседкой рецептом какого-то бесконечного пирога, а ещё дальше две

сестры-близняшки спорили, кто из них первой заметила, что у миссис Эшборн новые шторы.

— Дорогая, — сказал кто-то, — а где же ваши дети? Мы так давно их не видели!

— О, они наверху, — ответила миссис Эшборн, не переставая улыбаться и не глядя в ту сторону, откуда прозвучал вопрос. — Играют. Они такие самостоятельные.

И она тут же отвернулась к другому гостю, потому что ей предстояло сказать ему что-то очень любезное, а дети ведь, в конце концов, никуда не денутся.

Тем временем в восточном крыле, в просторной комнате с высокими окнами, обитой тёмным деревом, заседал мистер Эшборн.

То, что в семье называли «отцовским крылом», было на самом деле конторой. Мистер Эшборн занимался делами, о которых дети имели очень смутное представление: что-то про корабли, склады, бумаги и какие-то договоры. В его большой комнате стояли три стола, за которыми сидели трое клерков с жёсткими воротничками, а в углу, за ширмой, гудел телефон, и каждые пять минут кто-то из клерков вскакивал и бежал к нему с видом человека, спасающего мир.

Сам мистер Эшборн сидел во главе длинного стола, покрытого зелёным сукном, и слушал, как двое его деловых партнёров спорят о каком-то грузе. Это был высокий, сухощавый человек с острыми чертами лица и привычкой постукивать пальцами по столу, когда ему что-нибудь не нравилось. Сейчас ему не нравилось почти всё.

— Мистер Эшборн, — осторожно сказал один из клерков, — вас спрашивает...

— Не сейчас, — ответил мистер Эшборн.

— Но, сэр, это ваша...

— Не сейчас, Хиггинс.

Хиггинс исчез. Он знал: когда хозяин говорит «не сейчас», это значит «не сегодня», а часто и «не на этой неделе». Хиггинс работал здесь давно и умел расшифровывать подобные фразы.

На столе мистера Эшборна лежала чья-то записка, и в ней, если бы он потрудился её прочесть, говорилось: «Майло и Элси просят вас зайти в детскую, они хотят вам что-то показать». Но записку Хиггинс положил под стопку бумаг, пото-

му что решил, что у хозяина есть дела поважнее.

Так оно и было. Ну, по крайней мере, так всегда казалось самому мистеру Эшборну.

А дети сидели наверху, в длинной гостиной второго этажа, и им было скучно.

Старшего звали Майло. Ему было, пожалуй, чуть больше, чем нужно, чтобы считать себя взрослым, и чуть меньше, чем нужно, чтобы взрослые считали так же. Он сидел в глубоком кресле с книгой на коленях и делал вид, что читает, хотя за последние двадцать минут ни разу не перевернул страницу. Майло был из тех мальчиков, которые смотрят на вещи так внимательно, что вещи иногда начинают смущаться.

Младшую звали Элси. Она лежала на ковре животом вниз и разглядывала узор на нём с таким видом, будто в нём была спрятана карта сокровищ, а ей оставалось только догадаться, где именно. Элси вообще верила, что у всего на свете есть вторая сторона, просто не все дают себе труд её найти.

— Скучно, — сказала Элси в ковёр.

— Знаю, — сказал Майло, не отрываясь от страницы, ко-

торую не читал.

— Нет, ты не понял. Мне скучно по-настоящему. Так скучно, что я готова начать считать полоски на обоях.

— Их сто сорок восемь, — сказал Майло. — Я считал вчера.

Элси перевернулась на спину и уставилась в потолок.

Снизу доносился смех гостей, далёкий и неразборчивый, как шум моря за стеной. Из восточного крыла слышался редкий стук пишущей машинки. Оба звука были такими привычными, что дети давно перестали их замечать. Мама была там, где смех. Папа был там, где машинка. А они были здесь, наверху, где не было никого.

Это был не самый грустный день в их жизни, ничего подобного. Просто обычный день, один из многих. Утром их накормила миссис Брэмбл, потом они попытались поговорить с мамой, но она поцеловала обоих в макушку и сказала «потом, милые, потом», и убежала встречать гостей. Потом они дошли до отцовского крыла и постояли под дверью, послушали, как за ней голоса спорят о грузах, и ушли, потому что у них не хватило смелости постучать.

«Потом». Так говорили в этом доме. «Потом, милые».

«Не сейчас». «Поговорим позже». Дети давно привыкли и не обижались. Просто научились не ждать.

И вот тогда Майло поднял глаза и посмотрел на часы.

Часы стояли у стены напротив: высокие, тёмные, с медным маятником и тяжёлым циферблатом, на котором римские цифры чуть-чуть выцвели от времени. Они стояли там всегда, сколько Майло себя помнил, и тикали так привычно, что их давно никто не слышал. Как не слышишь собственное дыхание. Как не замечаешь, что ты дышишь.

Но сейчас Майло их услышал.

Тик. Тик. Тик.

Ему вдруг показалось, что тикают они как-то иначе, чем вчера. Чуть осторожнее. Чуть тише, будто прислушивались к чему-то сами.

— Элси, — сказал он. — Сколько на твоих?

Элси подняла запястье, на котором носила маленькие часики с потёртым ремешком (подарок, которым она гордилась больше, чем всеми остальными вещами вместе взятыми).

— Без десяти четыре.

Майло посмотрел на большие часы. Стрелки показывали без пяти четыре.

— Они спешат, — сказал он.

— Или мои отстают, — отозвалась Элси.

Они переглянулись. Это был один из тех взглядов, которыми обмениваются люди, когда оба вдруг почувствовали, что день, начавшийся так скучно, собирается стать не таким уж скучным.

— Пойдём посмотрим, — сказала Элси и поднялась с ковра так резко, что узор, который она только что изучала, остался в одиночестве, обиженный и нераскрытый.

— На что посмотрим?

— На другие часы. Если большие спешат, значит, остальные должны знать, какое сейчас время на самом деле.

Это было довольно толковое рассуждение для человека, который десять минут назад лежал на полу и считал полоски на обоях. Майло отложил книгу, которую так и не читал, и они отправились обходить дом.

На лестничной площадке висели часы в деревянном футляре с маленькой кукушкой. Они показывали десять минут пятого.

В длинной галерее, под строгими взглядами портретов, стояли часы с бронзовой фигуркой охотника. Они показывали без четверти четыре.

В библиотеке, на каминной полке между двумя фарфоровыми собаками, тикали часы в виде маленького храма. Те показывали три часа двадцать минут, и это было так нелепо, что Элси даже фыркнула.

В главной прихожей, над зеркалом, висели круглые, строгие часы с чёрными стрелками. Они показывали половину пятого, и это уже было совсем нехорошо, потому что на улице за дверью было всё то же серое, одинаковое, бесконечное «около четырёх», в котором дождь ничуть не изменился.

— Они не просто спешат, — медленно сказал Майло. — Они все спорят между собой.

— Может, кто-нибудь трогал стрелки?

— Все сразу? Это пришлось бы обойти весь дом.

Они стояли в прихожей, и мимо них, не замечая, проходили гости. Дама в шляпке с пером прошла к зеркалу и поправила локон. Два молодых человека с чашками протиснулись к лестнице, оживлённо споря о каких-то лошадях. Мистер Тремейн вышел из гостиной, посмотрел на круглые часы над зеркалом, достал из жилета собственные, сверил, нахмурился, пробормотал: «Странно, у них, кажется, неверное время», и тут же вернулся в гостиную, потому что кто-то позвал его по имени.

Элси дёрнула Майло за рукав.

— Он заметил.

— Да.

— И ушёл.

— Они все уходят, — сказал Майло, и в голосе его не было ни злости, ни обиды, а только усталое знание человека, который слишком рано понял, что взрослые не всегда смотрят туда, куда нужно.

Элси решила не сдаваться. Она набрала побольше воздуха, подбежала к матери, которая как раз проходила через прихожую с подносом пирожных, и дёрнула её за рукав.

— Мама! У нас в доме все часы показывают разное время!

— Да, милая, да, — сказала миссис Эшборн, улыбаясь гостям поверх её головы. — Дом старый. Часы всегда немного капризничают.

— Но они очень разные! Сильно разные!

— Потом, Элси. Мама сейчас очень занята. Потом расскажешь.

И она поплыла дальше со своим подносом и своей безупречной улыбкой, а Элси осталась стоять с открытым ртом и невысказанной фразой, как с забытой посреди улицы вещью.

Тут из кухни вышла миссис Брэмбл, экономка, высокая женщина с руками, которые всегда пахли тестом и немного лавандой. Она несла поднос с чайником и с таким видом, будто несёт не чайник, а государственный секрет.

— Дети, вы почему не наверху? — спросила она, не останавливаясь.

— Миссис Брэмбл, — сказала Элси самым вежливым го-

лосом, на который была способна, — а вы не знаете, который час?

Миссис Брэмбл взглянула на круглые часы в прихожей, затем на часы на лестнице, и между её бровями на мгновение появилась тоненькая складка. Всего на мгновение, как рябь на воде, когда в неё кидают камешек, а потом всё снова становится гладко.

— Без десяти четыре, — сказала она ровно. — Или около того. Часы в этом доме всегда немного капризничают, милая. К ним нужно привыкнуть.

И она пошла дальше, звякая чайником, и ни разу не обернулась.

— Она тоже видела, — тихо сказала Элси.

— Видела, — согласился Майло.

— Но сделала вид, что нет.

Тут я должен сделать небольшое отступление. Дело в том, что взрослые бывают разные, и миссис Брэмбл была из лучших. Она любила этих детей и кормила их так, как не кормят и королей. Но иногда человек видит что-нибудь такое, о чём

он решил не думать давным-давно, и тогда лучшее, что он может сделать, это отвернуться и унести чайник на кухню. Так что не будем строги к миссис Брэмбл. Она ещё появится в нашей истории, и тогда вы поймёте, почему.

А пока дети стояли в прихожей, посреди шума, смеха и звона посуды, и слушали.

Тик. Тик. Тик.

Все часы в доме тикали вразнобой, но под этой разноголосицей, где-то совсем глубоко, было ещё что-то. Не звук даже, а ощущение звука. Как будто сам дом, огромный и старый, медленно и осторожно дышал.

— Майло, — прошептала Элси. — Ты слышишь?

Майло слышал.

Звук шёл не из часов. И не из комнат. Он шёл откуда-то из глубины дома, из-за обоев, из-за штукатурки, из самого его сердца, спрятанного где-то в стенах.

Вы когда-нибудь пытались найти источник звука в большом доме? Это совсем не так просто, как кажется. Звук в старых домах ведёт себя как кошка: делает вид, что пришёл

отсюда, а на самом деле сидит вон там, и стоит вам подойти поближе, как он уже мурлычет в другой комнате.

Майло и Элси убедились в этом очень быстро.

Сначала им показалось, что тиканье идёт из столовой. Они вошли на цыпочках, затаили дыхание и замерли у камина, рядом с фарфоровыми часами, на которых нарисованные розы всё так же мирно показывали без четверти четыре. Но тут Элси нахмурилась и покачала головой.

— Нет. Тут тише, чем в прихожей.

Они вернулись в прихожую. Там было громче, но ненамного, и звук как будто тянулся вверх, вдоль лестницы, как дым вдоль печной трубы.

Они поднялись на второй этаж. Звук окреп. Потом свернули в длинную галерею, где вдоль стен висели портреты людей в тяжёлых рамах, смотревших на детей с тем особенным выражением, с каким портреты смотрят на всех, кто ходит по дому без дела. Звук становился отчётливее с каждым шагом.

— Теплее, — шепнула Элси.

— Мы же не в прятки играем, — шепнул Майло.

— Тогда зачем ты шепчешь?

На это у Майло не нашлось ответа, потому что он и сам не знал, почему шепчет. Просто в такие минуты это кажется самым правильным делом на свете.

Галерея закончилась там, где они уже были час назад: в длинной гостиной с глубокими креслами, потёртым ковром и большими часами у стены. Дети остановились на пороге. Внизу смеялись гости. Из восточного крыла всё так же постукивала машинка. А здесь, наверху, было так тихо, что слышно было, как за окном стекают капли.

Тик. Тик. Тик.

Теперь тиканье было ясным, как голос, и Майло понял, что оно всё это время шло отсюда. Не из часов, нет. Из стены за часами.

Он подошёл к высокому деревянному футляру и посмотрел на циферблат. Стрелки теперь показывали двадцать минут пятого, хотя Элси клялась, что на её часах уже почти пять. Маятник качался ровно и торжественно, и ему, кажется, было совершенно всё равно, что в этом доме от него требуют точности.

— Помоги мне, — сказал Майло.

Они вдвоём упёрлись плечами в футляр. Часы оказались тяжелее, чем выглядели, но дерево чуть слышно скрипнуло, и тяжёлый футляр медленно подался в сторону, оставляя на ковре две ровные борозды.

За ним была стена.

Самая обычная стена с самыми обычными обоями: бледно-зелёными, в мелкий золотистый цветочек, чуть выгоревшими там, где на них годами падал свет из окна. Ничего особенного. Если бы вы показали её человеку и спросили, что в ней странного, он бы только пожал плечами.

Но Майло положил на неё ладонь и замер.
— Элси, — сказал он тихо. — Она тёплая.

Элси подошла и приложила руку рядом. Потом, не сказав ни слова, повернулась и прижалась к обоям ухом.

Тик. Тик. Тик.

Тиканье шло прямо сквозь штукатурку, глубокое и ровное, и оно было совсем не похоже на то, что издают обычные

часы. Часы тикают, чтобы сообщить вам время. Это тиканье не сообщало ничего. Оно просто считало, ровно и терпеливо, как что-то очень большое, очень старое, которому некуда спешить и которое точно знает, чего ждёт.

— Оно там внутри, — прошептала Элси. — Внутри самой стены.

Майло не ответил. Он смотрел на обои, на мелкие золотые цветочки, и вдруг заметил то, что не замечал раньше: цветочки не шли ровными рядами. В одном месте, прямо на уровне его груди, узор делал еле заметный изгиб, будто кто-то когда-то аккуратно вырезал кусочек обоев и приклеил обратно, а потом разгладил так тщательно, что шва почти не было видно. Почти.

Он провёл по нему пальцем. Линия была тонкая, как волос, но прямая и ровная, и она шла сверху вниз, а потом поворачивала вбок, а потом снова вверх.

Как контур. Как контур двери.

Глава вторая

Дверь, которой не было

Должен признаться вам в одной вещи, которую взрослые обычно скрывают от детей: большинство дверей на свете открывается не так, как вы думаете.

Кажется, что всё просто. Есть ручка, есть замок, есть ключ, и всё, что вам нужно, это повернуть и толкнуть. Но существуют двери другого рода, те, у которых нет ни ручки, ни замка, ни даже петель, и которые открываются только тому, кто понял, чего они от него хотят. Таких дверей очень мало. Но если вам повезёт с ними встретиться, вы сразу почувствуете разницу. Они слушают.

Майло и Элси стояли перед такой дверью и пока этого не знали.

— Здесь нет ручки, — сказал Майло.

— Здесь вообще ничего нет, — сказала Элси. — Только тонкая линия.

Она обошла вокруг, ощупывая обои вдоль контура. Дверь, если это была дверь, оказалась узкой и высокой, чуть выше Майло, и такой тонкой, что человек взрослый просто не сумел бы протиснуться. Для детей, правда, в самый раз.

— Может, надавить?

Майло надавил. Стена не шелохнулась.

— Толкнуть?

Он толкнул сильнее. Ничего. Тогда они вдвоём навалились плечами, раз, другой, третий, и в конце концов Майло откинулся назад, красный и взъерошенный, и сказал то, что говорят в таких случаях все на свете:

— Может, мы всё это придумали?

Но он и сам в это не верил. Ладонь у него всё ещё помнила, какой тёплой была стена. А тиканье никуда не делось: оно шло изнутри, мерное и терпеливое, как дыхание спящего зверя.

Элси достала из кармана кусочек мела, потрёпанный и сточенный, который носила с собой для игры в классики, и аккуратно провела по обоям вдоль всего контура. Тонкая белая линия вышла кривоватой, но теперь дверь было видно

издалека.

— Чтобы не потерять, — объяснила она.

— Это стена. Куда она денется?

— Мало ли, — сказала Элси. — Иногда и стены куда-то деваются.

Потом они по очереди прикладывали к ней ухо, ощупывали каждый цветочек в узоре, искали кнопки, рычажки и потайные щели. Майло даже встал на стул и обследовал верх контура, а Элси легла на пол и осмотрела низ, но не нашла ничего, кроме пыли и одной засохшей мухи. Так прошло минут двадцать. Часы позади них отсчитывали время каждые на свой лад, и никто не мог бы сказать, сколько этих минут было на самом деле.

— Может, нужен ключ, — предположил Майло.

— Какой?

— Откуда мне знать? Волшебный, наверное.

— У нас дома нет волшебных ключей, — вздохнула Элси.

И тут снизу, из прихожей, донёсся голос, от которого они оба вздрогнули.

— Дети! Майло! Элси! Спускайтесь немедленно!

Это был голос мамы. Но звучал он как-то необычно: не рассеянно и торопливо, как всегда, а почти радостно, как будто её только что осенила блестящая мысль.

Объясню вам, что произошло, хотя сами дети поняли это не сразу.

Гости, наконец, начали расходиться. Дамы в шляпках одна за другой прощались у порога, целуя миссис Эшборн в воздух рядом со щекой, а джентльмены, застёгивая плащи, обещали непременно заглянуть на будущей неделе. И когда в прихожей остался последний зонтик, миссис Эшборн вдруг остановилась посреди внезапно опустевшей гостиной, обвела взглядом чашки, крошки и смятые салфетки и подумала: «Боже мой, а где же мои дети?»

Это была не очень длинная мысль, и жила она недолго. Но пока она жила, миссис Эшборн пережила то странное чувство, которое иногда посещает людей, слишком занятых, чтобы замечать самое важное: вдруг понимаешь, что день прошёл, а ты так ничего и не сделала для тех, кого любишь. И вот тогда с ними случается один из тех внезапных поры-

вов, которые удивляют даже их самих.

— Сегодня же Михайлов день! — воскликнула миссис Эшборн, когда дети появились в дверях. — В городе ярмарка! С каруселями, с фонарями, с леденцами! Мы едем все вместе, и это не обсуждается!

Майло и Элси переглянулись.

— Но, мама, — сказала Элси, — мы...

— Никаких «но». Одевайтесь, дорогие. Тёплые пальто, шарфы, перчатки. И калоши, там, наверное, грязь.

— Мама, у нас очень важное...

— Потом, милая, всё потом! — и миссис Эшборн уже летела по лестнице, на ходу приказывая миссис Брэмбл поискать зонтики.

Из восточного крыла вышел и отец. Он шёл неспешно, держа в руке шляпу, и вид у него был такой, будто он только что проиграл какой-то очень скучный спор. Оказывается, мистер Тремейн, один из его деловых знакомых, собирался быть на ярмарке и просил мистера Эшборна непременно с ним там встретиться: что-то насчёт склада, который нужно было осмотреть на месте. Так что отец сказал «разумеется»

и поехал, и в этом решении, надо признаться, не было ни капли желания провести время с детьми. Но дети, конечно, этого не знали, а мама, к счастью, не заметила.

Через четверть часа они все сидели в большом чёрном автомобиле, который медленно спускался по липовой аллее. За стеклом проплывали мокрые деревья, капли ползли по окнам, а на заднем сиденье, рядом с мамой, Майло и Элси сидели молча, плечом к плечу, и каждый из них смотрел назад, на дом, который понемногу таял за деревьями.

Городок у подножия холма назывался Хавертон, и сегодня он выглядел совсем иначе, чем в обычные дни.

На главной площади, под навесами, растянутыми от крыши к крыше, горели сотни фонариков: жёлтых, оранжевых, красных, и в их тёплом свете мокрая брусчатка блестела, как раскрытая шкатулка с драгоценностями. Пахло жареными каштанами, горячим сахаром, яблоками в карамели и мокрой шерстью. Играла шарманка, и в такт ей вертелась старая карусель с облупленными деревянными лошадками. Торговцы кричали наперебой, расхваливая пряники, свистульки, пуговицы и ленты, а мальчишки носились между прилавками, сбивая с ног прохожих и получая за это подзатыльники.

Это была очень хорошая ярмарка. Я говорю вам это со

всей ответственностью: на свете бывают ярмарки и хуже. И любой другой ребёнок на месте Майло и Элси был бы счастлив. Но не они.

— Смотрите! — воскликнула мама, указывая на карусель. — Карусель! Как в моём детстве! Хотите прокатиться?

— Да… — сказала Элси.

— Если хочешь… — поддержал сестру Майло, глядя в её глаза.

Мама обернулась и посмотрела на неё внимательнее, чем смотрела за весь день. Она ждала, что дочь запрыгает от радости. Но Элси стояла, засунув руки в карманы, и смотрела куда-то поверх каруселей, поверх фонарей, поверх крыш. Туда, где за мокрыми деревьями, на вершине невидимого отсюда холма, стоял дом.

— Что-то случилось? — спросила мама.

— Нет, — быстро ответил Майло. — Всё хорошо. Просто... очень шумно.

— Да, шумно, — согласилась мама и тут же рассмеялась, увидев в толпе знакомое лицо. — Ах, миссис Фэрчайлд! Дорогая, как я рада!

И она исчезла в толпе, оставив детей одних у карусели.

Они всё же прокатились. По разу. На соседних лошадках, молча, с отсутствующими лицами, и деревянные лошадки поднимались и опускались под органную музыку, а мимо проплывали фонари, лица, прилавки и обрывки чужих разговоров. Майло так ничего и не заметил. Он считал: сколько шагов от гостиной до чердака, сколько часов в доме, сколько раз пробило колокольчиком над дверью булочной. А Элси думала о тонкой меловой линии на зелёных обоях и о том, что будет, если в доме, пока их нет, что-нибудь изменится.

Потом они немного походили между прилавками. Им купили по леденцу на палочке, а потом ещё по пакету жареных каштанов, и оба так же молча всё съели, не чувствуя вкуса. Отец стоял в стороне, у прилавка с глиняной посудой, и разговаривал с мистером Тремейном о чём-то очень важном, судя по движению их рук. Один раз он оглянулся на детей и кивнул им, как кивают знакомым на другой стороне улицы.

— Хорошо проводите время? — крикнула мама издалека.

— Очень! — отозвалась Элси так ровно, что даже сама удивилась.

Они почти уже собрались уходить, когда Элси остановилась у маленького прилавка, затерявшегося между лотком с лентами и палаткой гадалки.

Прилавок был совсем скромным: дощатый стол, накрытый выцветшим сукном, а на нём вперемешку часы. Не такие, как в доме, большие и торжественные, а маленькие: карманные, с треснувшими стёклами, с потускневшими крышками, с пожелтевшими циферблатами. Они лежали рядами, как дремлющие насекомые, и каждые тикали в своём ритме.

За столом сидел старик в круглых очках, с длинными пальцами и таким внимательным лицом, словно каждую секунду он прислушивался к чему-то, чего никто другой не слышит.

— Добрый вечер, молодая госпожа, — сказал он, не поднимая глаз от часов, в которых он ковырялся тонкой отвёрткой.

— Здравствуйте, — сказала Элси и вдруг, не понимая зачем, вытянула вперёд руку с запястьем. — Вот.

Старик взял её руку так бережно, как берут маленькую птицу. Он долго смотрел на потёртый ремешок, на крошечный циферблат, на секундную стрелку, которая бежала по кругу с таким видом, будто ей всё это очень нравилось.

— Хм, — сказал он наконец.

— Они спешат? — спросила Элси. — Или отстают?

— Ни то ни другое, — ответил старик. — Они идут правильно. Просто идут они не по тому времени, по которому живём мы с вами.

Майло, стоявший за спиной у сестры, подался вперёд.

— А по какому?

Старик поднял на них глаза за круглыми стёклами. Глаза у него оказались светлыми и очень усталыми, и Майло показалось, что где-то он уже видел такой взгляд. Не точно такой, но похожий.

— Такие часы, дитя, не заводят, — сказал он тихо. — Они сами решают, когда идти и куда. Береги их. И если вдруг, в одну из этих ночей, они начнут тикать громче, чем обычно... не бойся. Просто слушай.

Он осторожно отпустил её руку и вернулся к своей работе, как будто ничего особенного не произошло.

— Спасибо, — выдохнула Элси.

— Не за что, — отозвался старик, не поднимая головы. — Только помни: у некоторых дверей нет ручки. Они открываются тем, кто умеет ждать.

Элси и Майло замерли. Ни тот ни другая ни словом не обмолвились с ним о дверях. Но, когда они обернулись, чтобы переспросить, прилавка на прежнем месте уже не было. Только лоток с лентами и палатка гадалки стояли рядом, вплотную, будто между ними никогда ничего не помещалось.

Домой они вернулись поздно.

Дорога в темноте казалась длиннее, а липовая аллея, мокрая и чёрная, будто сомкнулась над автомобилем, шепча что-то на своём деревьем языке. Мама, усталая и довольная, задремала на заднем сиденье, прислонившись виском к стеклу. Отец молчал, глядя вперёд, и пальцы его по привычке постукивали по колену.

— Хороший был день, правда? — сказал он вдруг, не оборачиваясь.

— Да, пап, — сказал Майло.

— Вот и славно, — сказал отец. — Вот и славно.

В прихожей их встретила миссис Брэмбл со свечой в руке, потому что в доме по какой-то причине в этот вечер часть ламп не горела. Она ни о чём не спросила. Только посмотрела на детей коротким внимательным взглядом, будто что-то про себя отметила, и сказала:

— Спать, живо. Какао потом, если будет желание.

— Потом? — спросила Элси неожиданно резко.

Миссис Брэмбл чуть приподняла брови.

— Значит, сейчас, — сказала она, подумав. — Только быстро.

Они выпили какао на кухне, у остывающей печи, в полной тишине. А потом мама, всё ещё сонная, поцеловала обоих в макушку, пожелала спокойной ночи и ушла наверх. Отец коротко кивнул и скрылся в восточном крыле, где ещё долго после этого горела лампа.

Дом погрузился в сон.

Майло не спал.

Он лежал на спине, глядя в потолок, и слушал. В темноте дом звучал совсем иначе, чем днём: что-то поскрипывало, что-то потрескивало, где-то в дальних комнатах тихо вздыхали половицы. А поверх всего этого, чуть слышно, но совершенно отчётливо, шло тиканье. Не из часов.

Скрипнула дверь. В щель между створками просунулась Элси. На ней была ночная рубашка до пят, а в руках она держала два толстых огарка свечи, с неё же и спичечный коробок.

— Я стащила из кладовки, — прошептала она. — Миссис Брэмбл там держит запас на случай, когда гаснет свет.

— Ты что, собираешься зажечь свечу?

— А ты собираешься спать?

Майло сел. Помолчал. Потом встал, натянул поверх пижамы свитер и взял у неё один огарок.

Они вышли в коридор. Дом лежал вокруг них тихий и тёмный, как огромный зверь, свернувшийся клубком. Они крались вдоль галереи, мимо портретов, которые в слабом свете свечи казались живыми, и каждая половица под их ногами скрипела так громко, словно хотела всех разбудить. Один раз Майло замер, потому что внизу, в прихожей, хлопнула дверь и послышались шаги.

— Папа, — выдохнула Элси.

Они мгновенно присели за большой комод. Свет лампы скользнул по лестнице, по перилам, по стене над ними. Отец поднимался наверх. Он шёл медленно, тяжело, и тень его растянулась по стене огромной горбатой фигурой. Дети затаили дыхание. Майло успел подумать, что сейчас всё кончится: сейчас их найдут, отведут обратно в кровать, и ника-

кой двери они уже не увидят.

Но отец прошёл мимо. Он не повернул головы, не замедлил шага, не заметил двух теней за комодом. Он просто шёл, глядя перед собой усталыми глазами, и исчез за поворотом коридора, а следом за ним растворился в темноте и свет лампы.

— Он нас даже не заметил, — прошептала Элси. В голосе её не было обиды, только констатация.

— Нам так и надо, — сказал Майло. — Идём.

Длинная гостиная в темноте выглядела совсем иначе. Кресла превратились в приземистые тени, ковёр потерял цвет, а большие часы у стены казались огромным молчаливым стражем. Они всё так же стояли отодвинутыми, и две борозды на ковре, оставленные ими днём, никто не успел заметить.

Элси чиркнула спичкой.

Огонёк вспыхнул, дрогнул и оживил комнату: мягкий жёлтый свет побежал по стенам, зацепил края рам, заиграл на медном маятнике. Элси поднесла спичку к фитилю, потом к фитилю второго огарка, и два маленьких пламени встали

между детьми, как два тоненьких часовых.

Они подошли к стене.

Меловая линия, которую Элси нарисовала днём, светилась бледным контуром. А рядом с ней, при свете свечей, было видно то, чего днём не замечал никто: еле заметные золотистые искорки, будто кто-то посыпал стену пылью от крыльев мотылька.

Майло поднёс огонёк поближе.

Пламя дрогнуло. А потом, к его изумлению, оно наклонилось. Не от сквозняка, окна были закрыты, а как будто что-то тянуло его вдоль контура, мягко и настойчиво, как тянет пламя в приоткрытую печную дверцу.

— Тянет, — сказал он шёпотом. — Там изнутри что-то дышит.

Элси молча положила ладонь на стену рядом с контуром. Она была тёплой, ещё теплее, чем днём. И тиканье стало другим: не просто ровным, а будто ожидающим, затаившим дыхание, как человек, который слышит шаги за дверью и боится спугнуть гостя.

— Оно слушает, — выдохнула Элси.

— Оно ждёт, — сказал Майло.

Она постучала. Три раза, тихо, согнутым пальцем, прямо посередине двери.

Тиканье за стеной на мгновение замерло.

Дети замерли вместе с ним. Секунду, а может, две, не было слышно ничего, кроме собственного сердцебиения и потрескивания фитилей. А потом тиканье возобновилось, но уже иначе: не ровное и бесстрастное, а какое-то оживлённое, будто кто-то по ту сторону услышал стук и теперь не знал, как на него ответить.

И тут Элси почувствовала на запястье лёгкое, едва ощутимое тепло.

Она опустила глаза. Её маленькие часики, те самые, с потёртым ремешком, вели себя странно. Секундная стрелка не бежала по кругу, как ей положено, а дрожала на одном месте, будто стрелка компаса, нашедшая север. И от часов шёл тонкий, почти неразличимый звук, тонкое-тонкое тик-тик-тик, такое же, как за стеной, только в сотню раз тише. Они тикали в лад.

А потом короткая стрелка вдруг дёрнулась и сама, без чьей-либо помощи, перескочила на цифру пять. Минутная встала на десять.

Без десяти пять. В полной темноте. В середине ночи.

— Майло, — сказала Элси очень спокойно. — Кажется, они разговаривают.

— Кто?

— Мои часы. И то, что там, внутри.

«У некоторых дверей нет ручки, — вспомнилось ей. — Они открываются тем, кто умеет ждать».

Она подняла руку и, не успев толком подумать, приложила часики к тонкой линии на обоях, в самый нижний угол контура. Сердце у неё колотилось так, что она боялась, как бы стена не услышала и его.

Секундная стрелка дрогнула. Замерла. Потом сделала короткий, чёткий шаг вперёд. Щёлк.

Звук был тихий, как падение маленькой пуговицы на ковёр. Но обои вдоль линии вдруг разошлись, как створки, бесшумно и легко, без единого шва, без единой трещинки, словно всю жизнь только и ждали этого мгновения. И за ними оказалась не стена и не комната, а узкий проём, полный мягкого, золотистого, чуть мерцающего света.

Огоньки свечей разом выпрямились и затрепетали. Майло почувствовал, как у него пересохло во рту.

— Это невозможно, — сказал он.

— Угу, — согласилась Элси. — Но оно же открылось.

Из проёма пахло дождём и чем-то ещё: мокрой листвой, тёплым камнем, ветром, пришедшим издалека. И звук, тот самый звук, больше не прятался. Он шёл прямо оттуда, ровный, глубокий, огромный, и, кажется, в нём слышалась даже какая-то радость.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.